

канонизация состоялась в середине — второй половине XVI века. Немногочисленные тексты осмогласников в честь «новых русских чудотворцев» зафиксированы в нотированных рукописях конца XVI — XVII века и представляют собой уникальный феномен в литургической традиции этого времени. Усложненная форма песнопения-осмогласника, построенная на последовательности фрагментов текста, распетых интонационными формулами первого-восьмого гласов, существовала и в более раннее время, однако именно со второй половины XVI столетия древнерусские распевщики все чаще обращались к ней в контексте наиболее торжественного богослужения со всенощным бдением и чином целования в его составе. Известны осмогласники в честь таких святых, как Феодор, Давид и Константин Ярославские, Петр Московский, Александр Невский, Петр и Феврония Муромские, Прокопий Устюжский, Василий и Константин Ярославские, Василий Блаженный, Зосима и Савватий Соловецкие. Егорова обратила внимание на важность историко-культурного контекста функционирования осмогласников, — в частности, локальных практик почитания святых в местах их погребения. Она предположила прямую связь возникновения этого типа текстов с социосимволическими действиями в рамках литургического чинопоследования в пространстве гробниц воспеваемых в осмогласниках святых.

Семинар завершился докладом О. В. Панченко (Санкт-Петербург) «От изучения источников — к критической агиографии: об источниках Жития и Службы митрополиту Филиппу и о принципах „нахождения“ (inventio) агиографами литературного материала». Исследование двух старших редакций Жития митрополита Филиппа позволило установить,

что при создании Кольчевской редакции были использованы источники преимущественно местного происхождения, тогда как при создании Тулуповской редакции привлекался широкий ряд переводных житий и некоторые другие литературные источники. Тулуповская редакция, таким образом, относится к категории «украшенных» текстов, создававшихся «по образцам», что доказывает ее вторичность: в противном случае пришлось бы признать, что составитель Кольчевской редакции последовательно сократил многочисленные литературные заимствования. Во второй части доклада Панченко сделал шаг от источниковедения в область критической агиографии. По наблюдениям исследователя, составитель «украшенной» редакции Жития митрополита Филиппа целенаправленно черпал «новые материалы» для агиобиографии святого не из государевых архивов или местных летописцев, а из житий подобных ему святых (подробнее см.: *Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 491–534*). Составитель Тулуповской редакции подобрал для изображения митрополита Филиппа прежде всего те агиологические образцы, которые были схожи с ним по типу подвига и чину святости, — святителей-исповедников и преподобных-исповедников. При этом был найден свой агиологический образец для каждого из этапов духовной биографии святого. Поиск агиологического образца, как установил Панченко, включает в себя и выбор связанной с ним литературной модели.

© Т. Н. Галашева

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-240-244

XL НЕКРАСОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

4–5 февраля 2020 года состоялась XL Некрасовская конференция, организаторами которой выступили Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Всероссийский музей А. С. Пушкина (Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова). Традиции проведения Некрасовских конференций в этом году исполнилось 70 лет. Эта традиция была учреждена по инициативе одного из главных специалистов по Некрасову — профессора В. Е. Евгеньева-Максимова. Он же предложил формат, сохранившийся по сей день, когда первый день конференции проходит в Пушкинском Доме, а второй — в музее поэта.

Юбилейная конференция проводилась накануне еще более значимой даты — 200-ле-

тия со дня рождения Н. А. Некрасова, которое будет отмечаться в 2021 году. В связи с этим к обсуждению предлагался, наряду с традиционными темами, ряд специфически «юбилейных»: метаморфозы исследовательского интереса в ретроспективе Некрасовских конференций — от первой (1950) до сороковой (2020); писательский юбилей как историко-литературный факт; перспективы и возможности актуализации фигуры Н. А. Некрасова и его наследия в современном художественном контексте; сегодняшние рецепции некрасовских изданий и редакторских стратегий российских журналов XIX века; теоретические и практические аспекты работы литературного музея и т. д.

Конференцию открыл доклад А. К. Секацкого (Санкт-Петербург) «Литературоцентризм русской культуры: его причины и следствия». Констатируя беспрецедентную роль словесности в России (в духовном производстве вообще и в политике в частности), Секацкий отметил, что эта «особенность» не всегда была свойственна русской культуре. Она возникла лишь в первой половине XIX века и утвердилась в его середине при непосредственном участии Н. А. Некрасова как поэта и редактора. Важное следствие литературоцентризма — претензия на власть, которую литератор реализует иногда даже помимо своей воли. Статус писателя как «властителя дум» непредставим для тех культур, где занятия литературой являются «формой достойного времяпрепровождения». По мнению докладчика, эта власть над умами и душами на протяжении двухсотлетней российской истории непрерывно вступала в конфликт с собственно политической властью.

Большой тематический блок, посвященный журналу «Современник», начался с выступления А. А. Иконникова-Галицкого (Санкт-Петербург) «„Современник“, разночинцы, революционное движение: идеологические мифы и историческая реальность. К постановке проблемы». Докладчик подверг сомнению хрестоматийное представление о «Современнике» как о журнале революционно-демократического направления (спектр общественной жизни 1850–1860-х годов не укладывался в рамки традиционного деления на «демократов», «либералов» и «консерваторов»), отражающем установки разночинной интеллигенции. Он проанализировал два основных значения термина «разночинцы», принятых в России середины XIX века: социально-правовое (лица, не приспавшие ни к одному из сословий, в основном низшие статские и отставные военные служители, не имевшие классного чина) и культурно-обиходного (лица, вышедшие из непривилегированного сословия, чаще всего по причине получения образования, и не состоящие на службе в чинах «Табели о рангах»), и сделал вывод, что ни одно из этих значений к сотрудникам и авторам «Современника» отнести нельзя.

С. М. Волошина (Москва) представила вниманию аудитории доклад «Английские романы в литературных журналах (к вопросу об издательских стратегиях «Современника» и «Отечественных записок» в «мрачное семилетие»)». С ужесточением цензуры после европейских событий 1848 года «спасением» для редакторов толстых журналов были переводы произведений английской литературы, прежде всего — Ч. Диккенса и У. Теккерея. Их популярность в России, восприятие Диккенса как автора, схожего с писателями «натуральной школы», относительная «благонадежность» английских писателей в глазах цензуры стали причиной жесткой конкуренции журналов за эти произведения. Были рассмотрены несколько издательских стратегий и принципиальных

моментов борьбы между Н. А. Некрасовым и А. А. Краевским.

В докладе «Не только идеология: причины, обеспечившие успех некрасовскому „Современнику“» О. Б. Кафанова (Санкт-Петербург) включила в ряд программных для журнала фигур Жорж Санд (наряду с Н. В. Гоголем и Н. Г. Чернышевским). Для многих читателей это был автор, выходящий за пределы литературной парадигмы и прямо вторгающийся в жизнь. Не без помощи переводов ее произведений Некрасову удалось поддержать журнал в «мрачное семилетие», что подтверждает представление о его редакторском умении сочетать идеологическую пропаганду с обсуждением важнейших нравственных проблем. Для иллюстрации этого тезиса докладчица сделала сравнительный анализ двух журнальных полемик, последовавших за публикацией романов «Лукреция Флориани» Жорж Санд и «Что делать?» Чернышевского.

Доклад О. С. Кругликовой (Санкт-Петербург) «Образ Петра I на страницах „Современника“ Н. А. Некрасова в 1850–1860-х гг.» был посвящен спору российской интеллигенции о сущности и значении петровской вестернизации, который явился отправной точкой для политической полемики либеральной и консервативно-монархической журналистики во второй половине XIX века. Она разворачивалась одновременно с обширной работой отечественной исторической науки по созданию полноценной картины Петровской эпохи. Некрасовский «Современник» живо откликался на появление в печати работ, посвященных внутренней и внешней политике Петра I.

В докладе Е. Н. Долгих (Санкт-Петербург) «Герои „Современника“ в дневниках А. В. Никитенко» рассматривался феномен дневника Никитенко и специфичность исторической оптики его автора — университетского профессора и цензора; канцелярской номады; «человека с пером». Сквозь эту оптику в дневнике описывались встречи с А. С. Пушкиным и Н. А. Некрасовым, воссоздавался четкий или причудливый биографический пунктир. Примечательно, что Некрасов на страницах дневника «своего цензора», как он однажды назвал Никитенко, впервые появляется лишь в 1847 году (хотя история их отношений началась в конце 1830-х годов) — уже в ранге издателя «Современника».

Е. И. Чумаченко (Москва) в докладе «Новый поэт в „Современнике“ 1847 г.» проследила процесс становления образа поэта-эпигона (вместо юного поэта «Отечественных записок» 1843 года здесь появляется пожилой чиновник с непривлекательной внешностью) и показала, что Новый поэт вобрал в себя черты разных литературных масок. При этом создатели маски ориентировались и на реальное лицо: история внезапного успеха поэта-чиновника, пишущего романтические стихи, напоминает о вхождении в поле литературы Владимира Бенедиктова. Докладчица пришла к выводу, что объектом пародии Нового поэта в «Современнике»

становится и сама публика, с восторгом принимающая эпигонские стихи.

В докладе Т. П. Баталовой и Г. В. Федяновой (Санкт-Петербург) «Проблема творческой преемственности в русской поэзии 1830–1930 годов» были обозначены основные закономерности историко-литературного процесса, роль Н. А. Некрасова в становлении нового поэтического языка и новых подходов к традиционным темам в русле социологической поэтики, которую в 1920-е годы разрабатывал П. Н. Медведев (1892–1938).

И. А. Александров (Москва) в докладе «Н. Некрасов и поэзия О. Мандельштама (пути преемственности)» обозначил некрасовскую традицию как фактор формирования художественного облика некоторых мандельштамовских стихотворений. Докладчик исследовал репрезентацию некрасовской элегической интонации на разных этапах творчества Мандельштама, используя сравнительно-исторический анализ лирики двух поэтов и проводя биографические параллели.

В центре исследований А. Л. Семеновой (Великий Новгород) «М. Горький о творчестве Н. А. Некрасова в „Истории русской литературы“» оказался курс лекций Горького 1908–1909 годов для рабочих Каприйской школы. Интерпретация некрасовского наследия в этом курсе позволяет проследить идейные искания Горького, считавшего, например, что поэт был отдален от народа, и исключившего крестьянскую тему из анализа его произведений. Как заметила докладчица, это могло быть следствием и того, что важнейшая для Некрасова тема не была особо актуальна для каприйских рабочих, и того, что она была чужда самому Горькому.

В. А. Доманский (Санкт-Петербург) выступил с сообщением «Н. А. Некрасов — критик А. А. Фета». Докладчик систематизировал отзывы В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского о критической деятельности Некрасова, а также представил аудитории ряд некрасовских оценок поэзии Фета, первую из которых будущий редактор «Современника» высказал еще в 1843 году.

В докладе Е. И. Самородницкой (Москва) «По стопам Ж. Санд: поэтика Н. Станицкого» были представлены особенности авторской манеры А. Я. Панаевой в жанровом и компаративном аспектах, формирование этой манеры на стыке «жорж-зандизма», «светской» повести и «натуральной школы». Докладчица проследила рецепцию Ж. Санд в некоторых других национальных литературах, представленную вариантами, типологически близкими русскому, но в то же время отличающимися от него (например, викторианский женский роман).

Слушатели познакомились со знаковым эпизодом Некрасовских дней 1902 года в Ярославле, освещенным в докладе И. В. Вагановой (Ярославль) «К истории одной дуэли: К. Ф. Некрасов против Ф. В. Смирнова». Журналист газеты «Северный край» Ф. В. Смирнов выступил с критикой проекта по открытию в усадьбе

Карабиха бесплатной читальни, обвиняя родственников поэта в недостойном хранении его наследия, и даже вызвал Константина Федоровича Некрасова на дуэль.

Е. С. Сонина (Санкт-Петербург) в докладе «Некрасовские пятницы 1990–2000-х годов: из прожитого» рассказала о традиции литературно-музыкальных вечеров в Мемориальном музее-квартире Н. А. Некрасова, назвав их «блестящим историко-культурным проектом, настоящим праздником, объединявшим научную и творческую интеллигенцию». Некрасовские пятницы проходили в 1950-е–2000-е годы (с 1990-х докладчица была их участницей) под руководством О. В. Ломан, Р. С. Щукинской и Е. Ю. Глебенко; на них выступали А. Т. Твардовский, А. С. Кушнер, Б. Я. Бухштаб, Н. Н. Скатов, А. М. Панченко, потомки Некрасова, Панаева и др. Доклад был подготовлен на основе уникальных архивных материалов, предоставленных участниками событий.

Завершением первого дня конференции стала презентация очередного выпуска легендарного сериального издания, учрежденного В. Е. Евгеньевым-Максимовым в середине прошлого века, — «Некрасовского сборника» (Вып. XV–XVI), который представила его редактор М. Ю. Данилевская.

Второй день, проходивший в Концертном зале на Мойке, 12, начался с приветственного слова С. М. Некрасова — директора Всероссийского музея А. С. Пушкина, и открытия камерной выставки «Я знаю за ним немало добрых дел...», посвященной 210-летию А. А. Краевского.

Л. П. Громова (Санкт-Петербург) в докладе «Этический кодекс А. А. Краевского в контексте литературной полемики XIX века» рассмотрела этические принципы известного редактора и издателя. Разработанный Краевским в 1879 году «Проект соглашения о пределах литературной полемики» отражал общественную потребность принятия этических профессиональных стандартов в журналистской среде и предлагал конкретные правила взаимодействия, создания «суда чести» для рассмотрения конфликтных ситуаций. К сожалению, он так и не был реализован, хотя не утратил своей актуальности и поныне.

С сообщением «Писательские юбилеи в музее повседневной культуры: о роли и месте имен в пространстве обыденного» выступила О. С. Сапанжа (Санкт-Петербург). Она представила предметы из коллекции музея повседневной культуры Ленинграда 1945–1965 годов, демонстрирующие механизмы «слияния литературы и жизни» в советском доме. Особое внимание докладчица уделила сочетанию «высокого» и «обыденного» в иллюстрациях, репродукциях, тиражном массовом фарфоре, аксессуарах, предметах рукоделия и т. п., обозначив специфику актуализации этих предметов в музейных образовательных программах.

О. В. Богданова и С. М. Некрасов (Санкт-Петербург) в докладе «Девиация как доминантная черта главы „Последыш“ (поэма Н. А. Не-

красова «Кому на Руси жить хорошо»)» предложили новую интерпретацию классического текста. В соответствии с ней глава «Последыш» была создана поэтом «по случаю» и введена в единый корпус поэмы с целью обеспечения ее композиционной целостности. В качестве доказательств такой позиции были названы: трансформация нарративной стратегии, отошедшие на второй план образы сквозных доминирующих героев, «дублирующий» тип главного персонажа, изменение эмотивной направленности текста и т. д.

В докладе М. Ю. Данилевской (Санкт-Петербург) «Стихотворение Некрасова „Над чем мы смеемся...“: первоначальная и каноническая редакция» была рассмотрена история «пересоздания» стихотворения, впервые написанного в 1860 году и в измененном виде опубликованного в 1874-м. Докладчица привлекла произведения и письма Некрасова разных лет, установив биографические и мотивно-тематические связи с группой других некрасовских текстов («Слезы и нервы», «Три элегии» и т. д.). Анализ как опубликованных, так и рукописных материалов привел к комплексному решению в вопросе датировки исследуемых стихотворений и времени их творческой переработки.

М. С. Макеев (Москва) в докладе «Когда было написано стихотворение „В альбом — — —“? К проблеме „раннего“ и „зрелого“ в поэзии Некрасова» уточнил датировку стихотворения, которое во всех авторитетных изданиях отнесено к 1840 году. Он проанализировал расположение текстов в «Солдатенковской тетради», лексические особенности стихотворения и предположил, что датировать его следует примерно 1844 годом. Во-первых, в «Солдатенковской тетради» нет текстов, написанных ранее 1844 года. При этом стихотворение «В альбом — — —» не выделяется на фоне остальных: это беловой автограф, его название присутствует в оглавлении, написанном рукой Некрасова. Во-вторых, докладчик напомнил, что именно в 1844 году в творчестве поэта появляется сочетание романтических штампов и острающих элементов, которые присутствуют в этом стихотворении.

В сообщении «Об орфографических ошибках в некрасовских текстах» М. С. Кабанова (Москва) обратила внимание на то, что в советское время считалось нормой избавляться от неправильных написаний слов, встречающихся как в рукописях, так и в прижизненных печатных изданиях Н. А. Некрасова. Хотя в целом подобная практика не вызывает возражений, в некоторых случаях такие «неправильности» были результатом сознательной авторской стратегии; править их — означает исказить авторский замысел. Докладчица развила этот тезис на примере «Кабинета восковых фигур» и ряда других произведений Некрасова, неудачно «исправленных» в современных изданиях.

Е. В. Кочнева (Санкт-Петербург) в докладе «„Легкописец натуральной школы“: портреты К. А. Горбунова в собраниях Пушкинского

Дома и Всероссийского музея А. С. Пушкина» изложила малоизвестные факты, связанные с жизнью и творчеством академика портретной живописи Кирилла Антоновича Горбунова (1822–1893). Они касаются портретов писателей «натуральной школы», созданных художником в 1830–1840-е годы, а также истории поступления в Пушкинский Дом в 1910–1920-е годы живописных и графических изображений русских литераторов (В. Г. Белинского, В. П. Боткина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Станкевича, И. С. Тургенева, И. И. Панаева и др.) работы Горбунова.

Внимание Я. А. Пономаревой (Санкт-Петербург) в докладе «Участие Некрасова, Гавевского, Достоевского в благотворительных чтениях Литфонда» было сосредоточено на фотографии портрета А. С. Пушкина работы Вивьена де Шатобрена. Вполне обычный альбуминовый отпечаток 1870-х годов приобретает особую ценность благодаря автографу В. П. Гаевского, за которым стоит целая история: создание Литфонда, устройство благотворительных чтений с участием известных литераторов, выступление Ф. М. Достоевского на Пушкинском юбилее и его «содействие увеличению средств фонда постоянным участием в чтениях, посетители которых знают, какой притягательной силой было это участие».

Е. Н. Пенская (Москва) в докладе «Н. А. Некрасов в коммеморационном промежутке юбилеев 1920-х годов» проследила историю драматургических форм, которые со второй половины XIX века стали обретать похороны литераторов. В раннюю советскую эпоху складывался свой коммеморативный канон, закреплявший знаковые фигуры в рамках социокультурного «театра теней». Некрасов оказался на пересечении разных потоков — «эксплуатации» и «перенастройки», эксперимента в условиях перехода от эстетики Серебряного века к авангарду 1920-х годов. Он претерпел, с одной стороны, «официальную мумификацию», с другой — «новую сборку» в 1920–1930-е годы на фоне расцвета некрасоведения. В докладе были проанализированы мемориальные «концерты» МХТ между двумя датами: 1921–1927, 100-летием со дня рождения и 50-летием смерти Некрасова.

Доклад В. М. Марасановой (Ярославль) «Коммеморация некрасовских мест в городском и региональном измерениях: Ярославская область» был посвящен изучению наследия Н. А. Некрасова и его связей с Ярославским краем, которое имеет устойчивую традицию. Эта традиция началась с первых Некрасовских дней, устроенных в городе по инициативе Общества для содействия народному образованию в 25-ю годовщину смерти поэта.

О. А. Замаренова (Санкт-Петербург) в сообщении «Люция Александровна Чистякова — младшая сестра Н. А. Некрасова» рассказала о судьбе малоизвестной родственницы поэта (внебрачной дочери А. С. Некрасова и крепостной крестьянки, дворовой Елены Петровой),

воспитанию и образованию которой поэт уделял немало времени и сил.

В докладе «Н. А. Некрасов и Ярославский край» Г. В. Красильников (Ярославль) представил некоторые результаты изысканий в Государственном архиве Ярославской области. Среди наиболее интересных находок — автографы Некрасова-гимназиста (прошения в суды, написанные под диктовку отца); материалы о пожаре барского дома в усадьбе Грешнево; сведения о рождении братьев поэта (из метрических книг и отчетов акушерки); информация о школе в селе Аббакумцево, финансово поддерживавшейся Некрасовым.

Сообщение А. Е. Оторочкиной (Ярославль) «Переписка О. В. Ломан с С. И. Великановой (1948–1954): источниковедческий аспект изучения истории некрасовских музеев» было посвящено истории формирования музеев поэта. Оно продемонстрировало творческую и научную взаимосвязь работы их первых храните-

лей: О. В. Ломан в Ленинграде и С. И. Великановой в Карабихе.

Выступление А. Н. Князева (Санкт-Петербург) «Произведения Николая Алексеевича Некрасова в музыке» касалось восприятия поэзии Некрасова П. И. Чайковским и Н. Ф. фон Мекк. Докладчик сообщил о написании нового сочинения (фортепианной пьесы) по мотивам «Дедушки Мазая и зайцев» московским композитором Евгением Баженовым, отметив странность того факта, что на одно из самых известных некрасовских произведений музыки до сих пор не создавалось. Иллюстрацией к этому выступлению и завершением конференции стали романсы на стихи Н. А. Некрасова по оригинальным нотам XIX века в исполнении Ильи Кулакова (тенор) и Сергея С. Осколкова (фортепиано).

© *Е. Н. Долгих*